КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
ART 12087 УДК 81'37

Глазкова С. Г. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2012. – № 7 (июль). – ART 12087. – 0,8 п. л. – URL: http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

Глазкова Светлана Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии филиала ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», г. Миасс
snglaz@ ambler.ru

Модальность в русской языковой картине мира

Аннотация. *В статье анализируется побудительная модальность в русской языковой картине мира на примере синтаксемы «слово категории состояния плюс инфинитив». Исследование внутримодельной и конструктивной синонимии показало неравномерность модальной языковой картины мира русских: превалирование намерения и необходимости и редукцию долженствования.*
Ключевые слова: *побудительная модальность, ленивый директив, языковая картина мира.*

Лингвистическим материалом для обобщений в данной статье послужили выделенные методом сплошной выборки побудительные предикативно-инфинитивные высказывания (около двух тысяч примеров из художественных произведений русской классики и современной литературы, естественных диалогов). Модели типа «*предикатив* (с модальным значением) + *инфинитив*» весьма частотны в современном русском языке. Особенный интерес для нас представляют те из подобных конструкций, которые имеют побудительную семантику. Приведем несколько примеров с синонимичной репликой в императиве, подтверждающей побудительную интенцию перечисленных речевых актов: «*Тебе надо позвонить* – Позвони»; «*Нельзя читать лежа* – Не читай лежа»; «*Желательно не опаздывать* – Не опаздывай»; «*В мои лета не должно сметь свое суждение иметь* (А. С. Грибоедов – Не смей иметь свое суждение».

Две важнейших лингвистические категории организуют синтаксему, которая является предметом нашего исследования. Побудительность и модальность – две взаимосвязанные универсальные языковые категории, важность которых в коммуникации трудно переоценить. Модальность вызывает серьезный интерес и российских, и зарубежных лингвистов. Ученые изучают семантический объем модальности, ее функционально-грамматический статус, средства выражения в языке. В многообразии подходов и интерпретаций нас интересуют «различные видоизменения связи между подлежащим и сказуемым, выраженные лексическими средствами (хочет, может, должен, нужно)» [1].

В отечественном языкознании получила признание классификация модальных значений, разработанная Г. А. Золотовой, которая выделила три аспекта модальных отношений. Из названных лингвистом для нас важен один из них: отношения между субъектом действия (носителем признака) и действием (признаком действия) – внутрисинтаксическая модальность, главным средством выражения которой являются модальные слова, включенные в состав предиката (глаголы *мочь, хотеть, желать* и др., предикативные наречия *можно, возможно, надо, нужно, необходимо* и др., краткие прилагательные *должен, намерен, обязан* и др.) [2].

Национально-культурную специфику выражения побудительности исследовали неоднократно, однако изучение модальности в языковой картине мира, объективированной в предикативно-инфинитивной модели, открывает, как представляется, новые возможности познания национального характера, менталитета, особенностей языковой картины мира русских, что обеспечивает актуальность предлагаемого исследования.

Глазкова С. Г. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2012. – № 7 (июль). – ART 12087. – 0,8 п. л. – URL: http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

Анализ лингвистического материала показал, что в современном русском языке исследуемые синтаксемы составляют существенный пласт и являются лакунарными образованиями по отношению к неславянским европейским языкам, таким как немецкий, английский и др. По нашей гипотезе, модальность в языковой картине мира отличается этноспецифичностью, а одно из средств ее выражения – изучаемая предикативно-инфинитивная синтаксема.

Побудительная модальность является частью общей системы модальности, в рамках которой она относится к значению потенциальности наряду с необходимостью, оптативностью, возможностью, намерением и долженствованием. Эти виды модальности частично пересекаются и влияют на функционирование друг друга. Импликатура волеизъявления в конструкции является обязательной составляющей. В изучаемой побудительной синтаксеме два структурных компонента: 1) инфинитив, который может подвергаться речевой редукции; 2) модальный компонент с семантикой оптативности (***охота,*** *(не) желательно и др.*), возможности (***можно****, невозможно, дозволительно, позволительно, (не) грешно (не),* ***нельзя*** *(не) и др.*), необходимости (*нечего,* ***надо, нужно****, надобно, потребно, необходимо и др.*), долженствования (*(не)****обязательно****, дОлжно, должнО*). Речевые акты с такой структурой мы назвали «ленивыми директивами», подчеркивая их семантику неакциональной динамики, динамического состояния.

Анализ модальных средств, употребляемых русскими в «ленивом директиве», дает представление об их языковой картине мира. Исследуя ее, назовем из отмеченных крупными лингвистами лишь те черты, что релевантны, на наш взгляд, для исследования данной модели. В исследуемых конструкциях, как представляется, отразились следующие ключевые идеи русской языковой картины мира:

– *непрогнозируемости результата*, в том числе, собственных действий; *фатальности*, в соответствии с которой «с человеком нечто происходит как бы само собой, и не стоит прилагать усилия, чтобы нечто сделать, потому что в конечном счете от нас ничего не зависит»; *непредсказуемости мира*, которая «оборачивается непредсказуемостью результата – в том числе, собственных действий» [3];

– *незавершенности*, за которой стоит «представление, что главное – собраться, т. е. чтобы что-то реализовать, необходимо прежде всего мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это зачастую бывает трудно и непросто сделать» [4];

– *смирения, покорности*, через призму которой воспринимается «недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий»; *«непостижимости и неконтролируемости жизни»*, что объясняет «пассивность и ощущение того, что человеку неподвластна его собственная жизнь, что его способность контролировать жизненные позиции ограничена»; *неопределенности* [5, с. 36];

– *пассивности, неволюнтативности чувства, отсутствия контроля над чувствами* [6];

– *коллективизма, соборности*, которая зачастую имеет своей «обратной стороной потенциальный инфантилизм» членов языкового сообщества и, как следствие, «возможность снять с себя ответственность за собственные действия» [7].

Базовые предикативно-инфинитивные модели не случайно вызывают законный интерес не только со стороны лингвистов, но и философов, лингвокультурологов. Слова категории состояния являются специфической славянской частью речи, отражающей национальную языковую картину мира славян, в том числе и русских.

О славянской этноспецифике слов категории состояния писали и в историческом аспекте [8], и в синхроническом [9]. Заострим внимание на том, что недейственность, неакциональность слова, которое в неславянских европейских языках выражается глагольным способом (например, в английском: *can, may, must, ought (to), need, should* и др.), показательны. Неакциональность конструкции задается изначально – свойствами слов категории состояния. Побуждение к действию, выраженное неглагольным способом грамматически парадоксально. Именно за счет лексем-предикативов модель имеет особое значение. Действие, к которому побуждает коммуникант, осознается обеими сторонами коммуникации как процесс, динамическое состояние, но не само действие. Это действие пассивное, незавершенное, не нацеленное на результат, происходящее, стихийно, независимо от вмешательства и активности субъекта. Действие как состояние – соединение вещей противопоставленных, тем более что оно организует побудительный речевой акт.

Вообще состояние в русской морфологии выражается различными частями речи, среди которых категория состояния – специально предназначенные для этого безлично-предикативные слова. Мы исследуем только одну группу слов категории состояния. Она сосуществует в русском языке с основным средством выражения модальности – системой наклонений русского глагола, однако является предпочтительной для русских коммуникантов. Исследуемая нами лексическая группа слов категории состояния передает модально-волевые характеристики. Это самая непродуктивная в современном русском литературном языке группа, «ограниченная в своем составе, но в силу определенной семантики (выражение различных модальных значений) очень широко используемая» [10].

Обобщим собранный языковой материал в виде таблицы. Первый параметр структурирования материала – его семантика. В верхней строке выделены пять основных модальных значений, реализующихся в русской языковой картине мира: намерение, долженствование, возможность, необходимость, желательность (I–V). Второй параметр исследования – лексико-грамматические разряды слов. Базовыми для рассмотрения являются слова категории состояния, называющие основные модальные значения: должно, можно (нельзя), потребно, необходимо, нужно, надобно, надо, желательно, охота. Именно эти слова являются определяющим компонентом исследуемой нами синтаксемы. Для сопоставления считаем важными следующие группы: выражение модального значения с помощью предикативов, допускающих и не допускающих субъект действия, с помощью глаголов личных и безличных. Для сравнения выделено 5 групп лексем. Каждое модальное значение представлено базовым словом-предикативом (1), личными (2) и безличными (3) однокоренными глаголами и глагольными формами, однокоренными предикативами (4), синонимичными предикативами (5) и безличными глаголами и глагольными формами (6). То есть мы рассматриваем базовые модальные предикаты в парадигмальном аспекте – в сравнении с однокоренными словами и синонимами тех частей речи, которые традиционно в русском языке являются средством выражения модальности. Элементы словообразовательной, морфологичекой и лексической парадигм позволяют выявить специфику исследуемой категории. Представим свои наблюдения в виде таблицы (табл. 1).

КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
ART 12087 УДК 81’37
Глазкова С. Г. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2012. – № 7 (июль). – ART 12087. – 0,8 п. л. – URL: http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

Таблица 1

Модальность в языковой картине мира русских

Семантика ***Разряды***	***I Намерение***	***II Долженствование***	***III Возможность***	***IV Необходимость***					***V Желательность***
1. Модальные слова КС (базовые)	–	дОлжно, должнО	можно (невозможно не, возможно)	потребно	необходимо	нужно	надо	надобно	желательно
2. Личные глаголы	намеревать-ся, намериться, вознамериться	–	мочь	требовать	обходиться	нуждаться	–	понадобиться	желать
3. Безличные глаголы (формы)	предстоит	–	–	требоваться	приходиться	–	–	понадобилось, спонадобиться, занадобилось	–
4. Слова КС	намерен	(я) должен	–	потребен	необходим	нужен вынужден	–	–	–
5. Безличные глаголы (формы) синонимы	затеять, губу раскатать, лыжи смазать, лыжи навострить, нагладиться, наладиться, намылиться, соб(и)раться, (за) планировать	–	не пристало, (не) подобает, следует, разрешается, возбраняется, годится, запрещается, позволяется, дозволяется	(не) следует, (не) мешает, (не) стоит, приспичило, прижало, надлежит, горит, приспичило, придется					хотеться
6. Слова КС-синонимы	–	обязан	нельзя (не), (не) грешно (не), (не) грех (не), не разрешено, не позволено, не дозволено, в порядке вещей	(не) след, нечего,					лень, в лом, (не) по кайфу, в кайф, по фигу, по барабану, жалко, не к месту, не ко времени, хорошо, лениво, обломно, в напряг, напряжно, круто, крутяк, кульно, няшно, кавайно, ништяк, не прочь, не угодно ли, досадно, не дай Бог, предпочтительно и мн. др.

Глазкова С. Г. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2012. – № 7 (июль). – ART 12087. – 0,8 п. л. – URL: http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

Перейдем к анализу каждого модального значения.

Отсутствие лексемы со значением *намерения*, выраженной категорией состояния, показывает, что намерение само по себе потенциально и не нуждается в дополнительном слове для этого (для сравнения: остальные модальные значения узуально выражаются словом категории состояния). Срабатывает закон языковой экономии: предикатив избыточен, коль скоро такое состояние неактуально. Широкий ряд личных однокоренных глаголов (намереваться, намериться, вознамериться), наличие безличного глагола (предстоять), широкий синонимический ряд личных глаголов и глагольных фразеологизмов со значением намерения (затеять, раскатать губу, смазать лыжи, навострить лыжи, наладиться, нагладиться, намылиться, собираться, собраться, планировать, запланировать и др.), наличие предикатива «намерен» заполняют функциональное поле намерения, создают его очень широкую, однако с усечением одного важного члена формально-смысловую парадигму. Вспомним о ключевых словах, выделенным учеными в языковой картине мира русских, среди которых важнейшим было «собраться» [11]. Намерение само по себе недейственно, является перманентным состоянием, тем не менее именно оно выражено глаголом, будто зеркально отражая деятельный мир: то, что для других действие, для русского состояние; то, что для других состояние, для русского действие. Не случайно, видимо, в английском языке нет модальных глаголов со значением намерения. А вот русскими намерение осознается как действие, причем детально семантизируемое. Наличие такого обилия модальных глаголов со значением намерения, представленных в таблице, приоткрывает дверь в модальность языковой картины мира русских. Таким образом, модальное значение намерения, выражаемое изучаемой синтаксемой, культуроспецифично.

Долженствованию в русской языковой картине мира «не повезло» более всего. Думается, это не случайно. Глагольной лексемы, называющей действие долженствования, нет вообще. Для русского долженствование – это состояние, а не действие. Само слово «дОлжно» архаизируется. Его употребительность очень низка и имеет тенденцию к дальнейшему снижению. Слово *должнО* явно десемантизировалось. Наличие предикатива «должен (-а, -о, -ы)» и его синонима, усиливающего облигаторность действия, «обязан» незначительно меняют картину. Фрагмент долженствования представлено всего лишь тремя компонентами и, по всей вероятности, не является главным в модальной картине мира русских.

Фрагмент языковой картины мира, связанный с семантикой *возможности* (в центре модальное слово «можно» и его антоним «нельзя»), неравномерно. Оно плотно нагружено в части синонимии безличных глаголов ((не) пристало, подобает, следует, разрешается, возбраняется, годится, запрещается, позволяется, доволяется) и синонимичных лексеме «можно» слов категории состояния (нельзя (не), (не) грешно (не), (не) грех (не), (не) разрешено, (не) дозволено, (не) позволено, в порядке вещей) и недогружено в части личного глагола (мочь), пустует в части безличных глаголов и слов категории состояния. Два антонимичных модальных значения порождают запрет либо разрешение. Компоненты поля близки к отвлеченно-нравственным императивам и отражают систему правил и социальных конвенций, коллективное сознание, близкое к общинному миропониманию.

Для понимания русской специфики выражения модальных значений возможности и долженствования важным представляется сравнительный анализ словообразовательных гнезд, зафиксированных в словаре А. Н. Тихонова [12]. В гнезде слова

Глазкова С. Г. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2012. – № 7 (июль). – ART 12087. – 0,8 п. л. – URL: http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

«мочь» немного лексем. Назовем их, исключая однозначно устаревшие: *могота, невмоготу, превозмочь, превозмогать, перемогаться, смочь.* Как видим, семантика родственных образований связана не столько с «мочью», сколько с «немочью» и ее преодолением. Зато гнездо слова «помочь» обширно. Назовем некоторые слова: *помогать, помощник, помщничек, помощница, безпомощный, беспомощно, беспомощность, вспомоществовать, взаимопомощь, вспомогательной, вспоможение, подмога*. Коллективизм русской культуры словно отпечатался в языке.

Гнездо слова *«долг»* наводит на другие размышления. *Долг, должок, должник* – все эти слова связаны общей семантикой конкретного долга, например, денежного. Слова только одной словообразовательной цепочки включают модальную семантику: должный, должно, долженствовать, долженствование. Все они имеют книжную окраску, для них характерна тенденция к устареванию. Отсутствие глагола с такой семантикой, повторим, представляется значимым [13].

Фрагмент языковой картины мира с семантикой *желательности* (в центре лексема «желательно») еще более неравномерен: имеются незаполненные ниши по параметру наличия однокоренных безличных глаголов и предикативов, один синонимичный безличный глагол (*хочется*) и очень обширный ряд синонимов-слов категории состояния, называющих желание-нежелание (этот ряд включает в себя сниженную лексику, сленг: *лень, в лом, (не) по кайфу, (не) в кайф, по фигу, по барабану, не к месту, не ко времени, не в струю, напряжно, в напряг, круто, крутяк, няшно, кавайно, ништяк, не прочь, не угодно ли, досадно, не дай Бог, предпочтительно* и мн. др.). Многообразная и сложная семантика синонимического ряда причудлива и то являет собой извинение-обоснованиие субъекта своего нежелания какого-либо действия, то пересекается с аксиологическим и эмотивным и/или приравнивается к нему. Многие синонимы в синтаксеме работают в следующей логике: нравится, отношусь положительно, значит, хочу. Необходимо сделать замечание по поводу синонимического ряда со значением желательности. Он очень обширен, и привести столь многочисленный ряд полностью невозможно.

Важно общее положение: любой аксиологизм или эмотив оценивается внутренне коммуникантом как положительный-отрицательный-индифферентный, поэтому соотнесен с триадой: «*хочу – не хочу – безразлично».* Эта группа традиционно многочисленна, постоянно пополняется, при архаизации одного слова, видимо, за счет нивелирования коннотативного значения, возникают другие. Эмоциональность и аксиологичность русской культуры, в том числе и речевой, неоднократно обсуждалась в лингвистической литературе, что, как видно, отражается и в модальном ландшафте языковой картины мира [14].

Самая симметричная и пропорциональная, самая полноценная группа в таблице – это группа слов поля *необходимости.* Синонимический ряд предикативов (*потребно, необходимо, нужно, надобно*) достаточно обширен. Практически у каждого слова есть однокоренной модальный личный (*требовать, обходиться, нуждаться, понадобиться*), безличный (*требоваться, приходиться, понадобиться, спонадобиться, занадобиться*) глагол и безличные формы глагола, слова-предикативы (*потребен, нужен, необходим, вынужден*). Разветвленная сеть синонимичных глаголов ((*не) следует, не мешает, (не) стоит, приспичило, прижало, надлежит, горит, придется*) и слов категории состояния (*не след, нечего*) завершает картину. Как представляется, лексема *надо* имеет определяющее значение не только в группе

Глазкова С. Г. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2012. – № 7 (июль). – ART 12087. – 0,8 п. л. – URL: http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

слов со значением необходимости, но и в русской модальной языковой картине мира в целом, являясь полимодальным конструктом.

Структурное обилие лексем с семантикой необходимости выявляет релевантность для русской языковой картины мира не только осознания, но и обсуждения внеакциональной необходимости, осознания ее как состояния. Этноспецифика выражения необходимости в проявляется в том, что это значение детально разработано и осознается коммуникантами как состояние, находящееся за пределами активного реального действия.

Итак, важнейшими составляющими модальности в языковой картине мира русских видятся намерение и необходимость, крайне скудно представленным – долженствование.

Мы охарактеризовали отдельные фрагменты модальности в языковой картине мира и предположили, что исконность и частотность модели являются показателями ее этноцентричности. Аргументируем данное положение.

1. Об **исконности** модели свидетельствуют материалы статей в этимологических словарях. Рассуждая об иммиграционном потенциале безлично-предикативных слов обычно говорят о кратких прилагательных, реже о существительных. Однако вопрос о происхождении некоторых модальных предикативах не решен до конца. Это касается, например, слова «*надо».* А. Н. Тихонов в комплексном словаре русского языка [15] называет «*надо»* непроизводным безличным сказуемым. В словообразовательном словаре того же автора «*надо»* выделено как «корнеслов», а гнездо состоит из лексем, которые рассматриваются как производные: надобный, надобно, надобность, занадобиться, понадобиться, спонадобиться [16]. Для такого на первый взгляд логичного рассмотрения словообразовательного гнезда нет достаточных оснований. Многие крупные лингвисты связывают его происхождение с предложно-падежной формой существительного «*доба»*. Этимологический словарь современного русского языка, составленный А. К. Шапошниковым, дает такую справку: «В русском языке XIII в. известно (1264). Собственно русское новообразование на базе слияния и последующего усечения». Этимологическая история слова «надо», согласно этому лексикографу, выглядит следующим образом: *доба < *на+добе < *надобе < надо [17]. Устанавливая этимологию слова «*надо»*, М. Фасмер ссылается на Полоцкие грамоты 1264 г. Однако еще в памятнике древнерусской литературы (1053–1125 гг.) XI–XII вв. «Поучении Владимира Мономаха» мы находим первое из сохранившихся употребление исследуемой конструкции. Приведем этот пример.

На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что ***было надобе****, весь нарядъ, и в дому своемь то я творилъ есмь (На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что* ***было надо****; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал)* (перевод Д. С. Лихачева).

Фрагмент словарной статьи из этимологического словаря славянских языков «Праславянский лексический фонд» под редакцией О. Н. Трубачева позволяет констатировать исконность лексемы «*надо»* [18]. Таким образом, слово «*надо»* относим к фонду исконной лексики.

К собственно русским (более поздним образованиям) А. К. Шапошников относит лексемы «*можно», «необходимо», «нужно»*, «*обязательно»,* отмечая их наречное образование на базе прилагательных [19, с.13, 32, 526]. С достаточной долей уверенности можно сказать об исконности слов «*охота», «лень»*, хотя их этимологическая история иная. Исконность модальных предикативов установлена.

Глазкова С. Г. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2012. – № 7 (июль). – ART 12087. – 0,8 п. л. – URL: http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

Представим доказательства частотности этих слов.

2. На **частотность** модели указывают данные соответствующих словарей. Базовые модальные слова категории состояния «*можно» (81), «надо» (117), «нужно» (169), «нельзя» (280)* вошли в частотник 300 самых употребительных слов русского лексикона с указанными индексами по убыванию от самого частотного к менее частотному. По данным словаря О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова, созданного на материале Национального корпуса русского языка, лемма «*можно»* имеет ранг 82, лемма «*надо»* – 87, леммы «*нужно»* – 277, «*нельзя»* – 317, «*необходимо»* – 1490, «*невозможно»* – 1120, «*необязательно»* – 14264 на 20000 слов, что является высоким показателем частотности. Лидерами частотности в группе предикативов и наречий можно назвать почти все слова категории состояния с модальным значением: можно (4), надо (5), нужно (21), нельзя (24), возможно (59), необходимо (67), обязательно (89), невозможно (108), необязательно (898). Высокая частотность конструкции в естественной русской речи вскрывает особенности коммуникативного этностиля русских, в частности, специфики выражения побуждения. Наблюдения за изменением частотности употребления моделей позволяют констатировать начавшийся процесс периферийных ментальных сдвигов в русском языковом сознании. Они выражаются в уменьшении частотности употребления *надо-инфинитивных* моделей (858 в 50-60-ых гг., 1068 в 70-80-ых гг., 865 в 90-2000-ых гг.) и увеличении – *можно-инфинитивных* конструкций (889 в 50-60-ых гг., 1166 в 70-80-ых гг., 1278 в 90-2000-ых гг.) [20].

Исследуя модель, констатируем не только ее частотность, но и косвенный показатель употребительности – обширность синонимического модельного ряда. Структурные модели-синонимы представлены следующими схемами: N_1V_f (модальная реализация этой схемы с трансформацией глагола в инфинитив); VInf; CopAdjInf, Inf. Таким образом, синонимичны 5 рядов синтаксем, используемых для формулировки побуждения: сочетание инфинитива с предикативными прилагательными (X *должен, обязан, вынужден + инфинитив)* (1), с модальными личными глаголами (X *можешь, хочешь + инфинитив*) (2), с категорией состояния (*нужно, необходимо, должно, надо, можно + инфинитив)* (3), с безличными глаголами и безличными формами личных глаголов (*следует, придется, предстоит + инфинитив)* (4); независимый инфинитив (5). Приведем пример такого синонимического ряда для варианта синтаксемы с модальной семантикой необходимости *надо (нужно, необходимо) +инфинитив*.

1) Ты должна (обязана) помыть посуду .

2) Ты можешь уже помыть посуду.

3) Тебе надо (нужно, необходимо) помыть посуду.

4) Тебе следует (придется) помыть посуду.

5) Тебе бы помыть посуду. Помыть посуду!

Примеры, приведенные выше, демонстрируют грамматический изоморфизм, который объективируется в конструктивном варьировании синтаксемы. Кроме того, для данной модели характерна не только структурная, но и лексико-семантическая синонимия. Приведем пример.

Мне неохота это дочитывать до конца. Нежелательно дочитывать это до конца. Мне лень (в лом, в напряг и т.д.) дочитывать это до конца.

Таким образом, приинфинитивный безличный компонент организует различные директивные синонимичные модели. Лингвистический эксперимент показал, что русские коммуниканты предпочитают модель предикативно-инфинитивную модели гла-

Глазкова С. Г. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2012. – № 7 (июль). – ART 12087. – 0,8 п. л. – URL: http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

гольной, модель безличную модели личной. Шкалирование позволило выявить индексы грамматической предпочтительности. Они таковы (менее употребительные идут по убыванию): сочетание инфинитива с категорией состояния – 5, с предикативными прилагательными – 4, с безличными глаголами и безличными формами личных – 3, с модальными личными глаголами – 2; независимый инфинитив – 1.

Мысль эта не нова. Это, по существу, подтверждение обобщений философов и лингвистов о неагентивности русского языка, которая связана с предикативным выражением модальности и безличностью описываемой конструкции. «Грамматика русского языка предпочитает особую схему концептуализации события или внутреннего состояния, при которой реальный субъект действия или состояния осмысляется как объект данного действия или состояния (мне стыдно, а не я испытываю стыд). Эта черта языкового менталитета называется неагентивность, при которой субъект не контролирует состояние, а, напротив, рассматривается в качестве его пассивного объекта», – отмечает Т. Б. Радбиль [21, с. 69–70].

Неагентивность отражается в «ленивом директиве», обнаруживая два взаимосвязанных русских языковых феномена: неглагольность и безличность модальных компонентов. Ученые неоднократно замечали в русском языке 1) обилие безличных конструкций, в частности, высокую употребительность неглагольных безличных конструкций; 2) особые способы выражения субъектности с помощью форм дательного, родительного и других падежей имен. «Семантический универсум» русского языка, по А.Вежбицкой, отличает иррациональность, неагентивность, тяготение к представлению активного субъекта как пассивного состояния, неконтролируемость субъектом собственного действия как отказ от субъективной ответственности за событие и пр. [22, С. 33-37 и далее]. Те же обобщения можно отнести к семантическому универсуму модальности предикативно-инфинитивной модели, исследуемой нами. Сошлемся на авторитет: «Действительно, русский язык предоставляет говорящему массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия. Прежде всего речь идет о различных способах концептуализации мира, при которой субъект так или иначе выводится из зоны контроля над событием. <…> Во всех случаях событие, состояние, действия происходят с субъектом *как бы само собой*». [23, с. 321–322].

Если выйти за рамки изучения исследуемой нами конструкции, важными видятся наблюдения по поводу предикативно-безличных слов как части речи в целом и их значимости в русской коммуникации. Увеличение лексикона слов категории состояния, обслуживающих безличность; богатейшая безлично-предикативная синонимия; пополнение этой группы слов за счет неологизмов; расширение функционально-прагматического поля слов категории состояния; наращение семантического инвентаря выводят описываемую синтаксему на уровень общеязыковой значимости.

Проведенный анализ синтаксемы «ленивый директив» позволяют сделать некоторые **выводы** в лингвокультурном аспекте.

1. Конструкция «ленивый директив» проливает свет на то, как видят мир и себя в этом мире русские, на национальное шкалирование морально-этических ценностей. Систему социокультурных смыслов, зафиксированных в языке в форме модели *модальный предикатив + инфинитив*, можно рассматривать как проекцию менталитета в язык, экспликацию культурного кода русских. Синтаксема «ленивый директив» занимает важное место в структуре модальной языковой картины мира русских. Ее высокая употребительность доказывает данное положение.

2. Уникальность модальной картины мира русских основывается на выражении

побудительности посредством категории состояния. Налицо грамматический и прагматический феномен: побуждение к действию выражается неглагольным способом, к тому же безличной конструкцией. Деагентивность, тяготение к бессубъектности подчеркивает ослабленную зону ответственности за деяние, социальный инфантилизм. Побудительную модальность, выражаемую синтаксемой «ленивый директив» можно назвать диффузной.

3. Существенно конструктивное, модельное многообразие безличных предикативных единиц с побудительным значением.

Исследование внутримодельной вариативности показало неравномерность модальной языковой картины мира русских. Степень культурной разработанности различных модальных значений значима. Намерение для русских – это не состояние, а акция, действие, причем детально структурированное; для англичан такого действия как модального не существует, на что указывает отсутствие глагола с нужным значением. Глаголов со значением *собираться* в русском лексиконе с явным преизбытком, тогда как глаголов долженствования нет. Необходимость представляется важнейшей модальной компонентой, если допустима метафора, модальной философией русских, а желательность главным аргументом в пользу осуществления каузируемого действия или пренебрежения им.

4. Диахронический взгляд позволяет сделать некоторые дополнительные выводы. Данная конструкция в современном русском языке уверенно сохраняется, несмотря на серьезные изменения социального фона жизни, ментальных сдвигов, трансформации национально-культурных ценностей. Конструктивной архаизации волеизъявления не происходит. Устаревают модальные компоненты типа *надобно*, но они активно заменяются на другие. Синонимия слов категории состояния развивается; безглагольность выражения модальности (наличие только двух модальных глагола – могу и хочу – при столь тонкой дифференциации модальных значений в современном русском языке) остаются важными чертами русского языка. «Ленивый директив» укрепляет свои коммуникативные позиции, становясь еще «ленивее».

5. Можем констатировать, что говорить о разрушении и серьезной деформации русской ментальности пока не приходится. Ядерные ментальные структуры, по языковым фактам, сохранны. Для обобщения используем слова из книги Т. Б. Радбиля, сказанные по иному поводу: «В области грамматики мы наблюдаем как раз доминирование традиционно русского способа концептуализировать действительность в слове. Таким образом, русский язык и стоящий за ним русский «взгляд на мир» пока еще не собирается сдавать свои позиции под напором иноментальных и инокультурных влияний. Более того, наиболее фундаментальные способы познания и оценивания мира и модели поведения в нем расширяют свою активную «представленность» в речевой деятельности этноса» [24, с. 323–324]. Тем не менее, сдвиги и трансформации в этой области начались, но, думается, они лежат пока в области неграмматической и касаются лексики. Примером является изменение частотности употребления *надо-инфинитивных* синтаксем в сторону снижения и *можно-инфинитивных* синтаксем в сторону увеличения.

Ссылки на источники

1. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 303.
2. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 350 с.

Глазкова С. Г. Модальность в русской языковой картине мира // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2012. – № 7 (июль). – ART 12087. – 0,8 п. л. – URL: http://www.covenok.ru/koncept/2012/12087.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

3–4. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Языки славянской культуры. – URL: http://www.lingvoda.ru.
5. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.
6. Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М.: Русский язык, 1988. – 204 с.
7. Макшанцева Н. В. Русское // Межкультурная коммуникация. – Н. Новгород: Деком, 2001. – С. 103–137.
8. Исаченко А. В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках. – Вопросы языкознания.– 1955. – № 6. – С. 48–66.
9. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
10. Каламова Н. А. Категория состояния в современном русском языке. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 33 с.
11. Зализняк Анна А. Указ. соч.
12–13. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Т.I. – М.: Русский язык, 1985. – 854 с.
14. Вежбицка А. Указ. соч.
15. Тихонов А. Н., Тихонова Е. Н., Тихонов С. А., Чупашева О. М., Зуева М. Ю. Комплексный словарь русского языка / Под ред. А. Н. Тихонова. – М.: Русский язык-Медиа, 2005. – XVI, 1228 с.
16. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка.
17. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. В 2-х тт. М.: Наука, Флинта, 2010.
18. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 22 (*nadeliti-*narodъ) / Под ред. академика О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1995. – 255 с.
19. Шапошников А. К. Указ. соч.
20. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики. – URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php.
21. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 338 с.
22. Вежбицка А. Указ. соч.
23–24. Радбиль Т. Б. Указ. соч.

Glazkova Svetlana,
Candidate of Philology, Chelyabinsk state university, Miass
snglaz@rambler.ru

Modality in Russian language picture of the world

Summary. In article the incentive modality in Russian language picture of the world on a design example a predicative + an infinitive is analyzed. Research of modeling synonyms showed unevenness of a modal language picture of the world of Russian: intention and need prevalence and obligation reduction.
Keywords: incentive modality, lazy instructions, language picture of the world.

ISSN 2304-120X